

Рецензии и отклики на публикации

НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ – ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

(рецензия на книгу А. Дженовези «Лекции о гражданской экономике»)

Калмычкова Елена Николаевна

*Кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Покидченко Михаил Георгиевич

*Доктор экономических наук, профессор,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Чаплыгина Ирина Геннадьевна

*Кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

В рецензии рассматривается книга А. Дженовези «Лекции о гражданской экономике» как пример концепции камерализма на фоне социально-экономической мысли переходного периода от феодализма к капитализму.

Ключевые слова: история, экономика, политика, государственное управление.

JEL коды: B11, B31, B41.

Для цитирования: Калмычкова Е.Н., Покидченко М.Г., Чаплыгина И.Г. Новое экономическое мышление – это хорошо забытое старое (рецензия на книгу А. Дженовези «Лекции о гражданской экономике») // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Том 14. Выпуск 4. С. 71-84. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-71-84

В «Издательстве Института Гайдара» вышла книга итальянского экономиста XVIII в. Антонио Дженовези «Лекции о гражданской экономике» (1765 – 1769), которая, казалась бы, должна представлять интерес только для историков. Тем не менее она вышла в издательской серии «Новое экономическое мышление». На первый взгляд – это парадокс, но когда мы (авторы рецензии) начинаем читать курс истории экономических учений, то на первой лекции

говорим студентам, что история изучается не ради пополнения общей эрудиции, а для решения современных общественных проблем. Как известно, история повторяется, и в прошлом можно обнаружить не только сходные с современными проблемы, но и решения этих проблем. Следовательно, если знаешь историю, нет нужды каждый раз «изобретать велосипед».

Применительно к истории экономической мысли это означает, что в прошлом можно найти много идей, которые были либо использованы на определенном этапе развития экономической науки, а затем были заменены другими, либо даже не получили в свое время широко признания. Эти идеи сейчас неожиданно могут стать актуальными.

Но вернемся к книге А. Дженовези. Как справедливо отмечается в издательском предисловии, «принципиальная задача издательского проекта – способствовать фундаментальному переосмыслению оснований экономической науки, что в перспективе могло бы вывести экономическое мышление на качественно новый уровень» (Дженовези, 2016, с. V). Причина появления этой задачи состоит в том, что уже стали общим местом высказывания о кризисе современной экономической науки. Так называемый «мейнстрим» в экономической науке развивается по пути все большей формализации экономической теории, а следовательно, по пути все более упрощенной трактовки экономической действительности.

Каково происхождение современного мейнстрима? В свое время на рубеже XIX – XX вв. на смену классической политэкономии пришло сразу два теоретических направления – маржиналистское, в котором вскоре стала превалировать неоклассическая школа, и институционалистское. В течение XX в. маржиналистское направление все больше претендовало на роль мейнстрима, отвергая критические замечания институционалистов. Ключевые идеи институционалистского направления известный историк экономических учений М. Блауг резюмировал следующим образом: «...1) неудовлетворенность высоким уровнем абстракции, присущим неоклассике...; 2) стремление к интеграции экономической теории с другими общественными науками...; 3) недовольство недостаточной эмпиричностью классической и неоклассической теорий... К этому следует добавить требование усилить “контроль общества над бизнесом”...» (Блауг, 1994, с. 657). Однако затем, Блауг, как представитель мейнстрима, сделал вывод, что «”институционалистам” не удалось выполнить свое обещание и создать жизнеспособную альтернативу неоклассической теории» (Блауг, 1994, с. 659). Мы позволим себе не согласиться с Блаугом, а также указать на то, что увеличивающиеся критические замечания в адрес мейнстрима современной экономической науки в значительной степени повторяют приведенные им тезисы институционалистов.

Пойдем далее. Альтернативой современному неоклассическому «мейнстриму» является не только современный институционализм, но и, если обратиться к истории, предшественник классической политэкономии – камерализм, образец которого представляет собой книга А. Дженовези. Она, очевидно, была выбрана редакционным советом среди произведений других камералистов не случайно. Как писал один из крупнейших историков экономической мысли XX в. Й. Шумпетер, «...главные достижения в создании систем в досмитовскую эпоху принадлежат итальянцам ... Это были системы политической экономии как теории благосостояния, в которых схоластическая идея “общего блага” и специфически утилитаристское понятие счастья объединялись в концепции (общественного. – Е.К., М.П., И.Ч.) благосостояния (*felicita pubblica*)» (Шумпетер, 2001, с. 225). А среди работ итальянских камералистов Шумпетер выделял «Лекции...» Дженовези, так как «в них содержится наиболее

полное для того времени изложение утилитаристской теории благосостояния той эпохи» (Шумпетер, 2001, с. 226).

Что же представлял собой камерализм и чем он может быть интересен для решения современных экономических проблем? В обычном курсе истории экономических учений камерализм вообще не упоминается, либо упоминается мельком. Историческое место между экономической мыслью Средневековья и классической политэкономией занимает в нем меркантилизм. В то же время есть мнение, высказанное, в частности, Шумпетером, что концепция меркантилизма была искусственно выделена Смитом из сочинений камералистов для логического противопоставления классической политэкономии. Например, у меркантилистов предметом изучения была сфера обращения, а у «классиков» – сфера производства, у меркантилистов богатством считались деньги, а у «классиков» – натуральный продукт и т. д. В действительности же у экономистов XVI – XVIII вв., предшествовавших классической политэкономии, сфера интересов была гораздо шире и разнообразнее проблемы внешнеторгового баланса, вокруг которой была построена концепция меркантилизма.

Эти экономисты имели различные названия в разных странах. Например, в Англии они именовались «консультанты-администраторы», в Испании – «политики», в Германии – «камералисты» (Kammer (нем.) – палата (государственного совета, депутатов)) и т. д. (В нашей истории экономических учений используется термин «камерализм», так как первые преподаватели политической экономии в российских университетах были родом из Германии.) Появление камералистов было связано с образованием в Европе централизованных национальных государств и необходимостью разработки теории и практики государственного управления, в том числе и управления народным хозяйством. Учения камералистов не сложились в единую логичную и последовательную теорию, какой стала сменявшая их классическая политэкономия, но именно их разноплановость дает современным ученым, ищущим идеи для формирования новых экономических теорий, большую пищу для ума.

В то же время именно отсутствие у камералистов единой последовательной теории нередко приводит к тому, что некоторые историки экономической мысли не относят отдельных экономистов этого периода к камерализму. Эта ситуация усугубляется тем, что, как уже говорилось, с легкой руки Смита, в курсах истории экономических учений речь идет не о камералистах, а меркантилистах, тематика же последних сводится только к проблемам внешней торговли. В результате многие экономисты этого времени, исследования которых выходили за рамки этих проблем, именуются в лучшем случае «нетипичными меркантилистами».

Кроме того, сам камерализм менялся на протяжении своей истории. Централизованные государства Европы, такие как Испания, Англия, Франция, сформировались на рубеже XV – XVI вв. и уже в XVI в. появились работы первых камералистов. Затем они существовали в XVII и XVIII вв., а в некоторых европейских университетах курсы камеральных наук читались даже в начале XIX в. В то же время с середины XVII в. стала зарождаться классическая политическая экономия, и в течение 150 лет камерализм и классическая политэкономия оказывали друг на друга взаимное влияние. Даже термин «политическая экономия», т. е. экономия полиса (государства), придумал французский камералист А. Монкретьен в 1615 г. Помимо этого, в XVII-м и особенно в XVIII в. в Европе активно развивались натуральная и нравственная философии, также оказывавшие влияние на творчество современных им камералистов.

В результате итальянский историк экономической мысли А. Ронкалья именуется Дженовези просто экономистом эпохи Просвещения. По-разному называется Дженовези у знаменитого австрийского историка экономической мысли Й. Шумпетера. В целом «камералистов» («консультантов-администраторов») он называет также создателями систем или исследователями общественного или государственного благосостояния, употребляя поочередно эти термины. Что же касается непосредственно Дженовези, то его творчество Шумпетер рассматривает в главе, посвященной консультантам-администраторам, в параграфе «Системы с 1600 по 1776 г.», и, кроме того, пишет о «меркантилистских» элементах в лекциях Дженовези» (Шумпетер, 2001, с. 226).

В свою очередь концепции камералистов опирались на предшествующую общественно-ведческую мысль Европы. Одним из источников камерализма были сочинения представителей схоластической философии. Переход от схоластической (церковной) к светской философии эпохи Возрождения был достаточно плавным. В целом развитие эпохи Возрождения, т. е. возрождения античной культуры, проходило под покровительством церкви. Просвещенные папы и кардиналы, уверенные в своей власти, не видели в ней опасности. (Опасность пришла с другой стороны, когда в XVI в. фанатики-протестанты выступили и против католической церкви, и против культуры Возрождения.) Что же касается схоластики, то она тоже постепенно трансформировалась. Например, уже с XIII в. схоластика стала во многом опираться на философию Аристотеля. Последние представители схоластики писали свои сочинения параллельно, нередко переключаясь со светскими философами, вплоть до XVIII в. Даже Дженовези, ставший в 1745 г. профессором Неаполитанского университета, был священником. Чиновники-администраторы также на раннем этапе были представителями церкви. (Название «клерк» происходит от слова «клирик», так же, как и на Руси первоначальное название чиновника – «дьяк» – происходит от слова «дьякон».)

В сочинениях схоластов проблемы экономики и государственного управления трактовались с морально-этических позиций – «справедливая цена», «справедливые налоги». Мостиком от схоластики к камерализму было частое отождествление схоластами понятий «справедливый» и «законный». Например, схоласты допускали получение экономической выгоды, если это делалось «законными путями». Интересна идея схоластов о том, что моральные принципы не абсолютны, а могут быть скорректированы в зависимости от обстоятельств – например, торговая прибыль и ссудный процент, в целом осуждаемые церковью, допускались схоластами, если трактовались как плата за услугу, за риск, за упущенную выгоду. Одним из ключевых понятий схоластики было «общее благо», которое в то же время соотносилось с удовлетворением потребностей отдельного человека.

В современной экономической науке есть теории, рассматривающие этический фактор в экономике, но они занимают в ней довольно скромное место, в то время как в камерализме этика являлась одним из ключевых элементов. В частности, Дженовези писал: «По сути, все эти понятия – “справедливость”, “честность”, “добродетель”, “польза”, “выгода” – могут быть разьединены лишь по глубокому недоразумению» (Дженовези, 2016, с. 614). Использовал он и унаследованное у схоластов понятие «общее благо»: «...каждая семья и каждый человек, – писал Дженовези, – обязаны стремиться обеспечить всеобщее благо в той мере, в какой им позволяют их возможности» (Дженовези, 2016, с. 32).

Другим теоретическим источником камерализма стала светская философия, или философия естественного права. Как писал английский философ середины XVII в. Т. Гоббс,

«...наука о естественном праве является единственной наукой, необходимой для суверенов и их главных служителей, потому что искусство строительства и сохранения государств, подобно арифметике и геометрии, основано на известных правилах» (Гоббс, 2018, с. 402, 227). Представители этой философии пытались познать «естественные законы», т. е. законы окружающей природы и природы человека. Расцвет философии естественного права приходился на XVII в. В XVIII в. она подразделилась на «натуральную философию», объединявшую естественные науки, и «нравственную философию», объединявшую гуманитарные науки. Стоит обратить внимание на то, что даже название последней говорит о том, что в гуманитарных науках еще был силен морально-этический подход. В том числе этот подход применялся к исследованию экономических отношений. В частности, Дженовези писал: «Бессмысленно пытаться преобразовать ремесла, торговлю, правительство, если нет речи о том, чтобы преобразовать нравственность» (Дженовези, 2016, с. XXXIV).

Подход к изучению совокупности всех человеческих отношений с помощью «нравственной философии» просуществовал до конца XVIII в. Еще Смит читал курс «нравственной философии», в рамках которого развивал свои взгляды на действия людей в экономике. Но именно со Смита началось выделение особой экономической науки. То же происходило и с другими науками. Философия же заняла в XIX в. более узкую, преимущественно методологическую нишу. Специализация, а в связи с этим и дифференциация наук продолжалась в течение XIX и XX вв. В частности, маржиналистское направление экономической науки, из которого вырос современный мейнстрим уже в конце XIX в. объявило о том, что предметом ее изучения является только «чистая экономика», тем самым отвергнув кооперацию с другими науками. Другие аспекты общественных отношений, не относящиеся к «чистой экономике», маржиналисты предоставили изучать социологам, политологам, культурологам и т. д. Между тем междисциплинарный подход, характерный для наук, входивших в нравственную философию, мог бы дать и сегодня интересные результаты.

И наконец, третьим источником камерализма были практические наблюдения чиновников-управленцев. «С XV в. сначала в Италии, а затем и в других странах государственные чиновники... начали излагать на бумаге свои идеи относительно рационального управления экономикой... своих стран. Эти администраторы на практике занимались управлением экономикой; большая их часть не принадлежала к духовенству. Поэтому не удивительно, что их книги, доклады, записки значительно отличались от трудов схоластов и философов естественного права. Равно как, впрочем, и от профессорских сочинений. Практики не владели приемами систематизации материала и не обладали эрудицией университетских преподавателей, зато они хорошо знали факты и отличались новизной подхода» (Шумпетер, 2001, с. 203). Дженовези, как мы помним, был и священником, и профессором, но использовал и сочинения управленцев-практиков в своих «Лекциях». Если же снова сравнить камерализм с современным мейнстримом, то, как говорилось выше, для мейнстрима характерны математические модели, упрощающие действительность. Многое остается за рамками моделей, исходящих из принципа «при прочих равных условиях».

Опираясь на указанные источники, камерализм представлял собой учение о государственном управлении, включающее управление экономикой. Хотя наиболее типичной формой государства в Европе в XVI – XVIII вв. была монархия, камералисты разрабатывали свое учение для обобщенного понятия государства, что делает их идеи актуальными и сегодня. Гоббс писал: «И обыкновенно бывает так, что те, которые живут под властью монархии,

считают свое жалкое положение результатом монархического образа правления, а те, которые живут под властью демократии или другого верховного собрания, приписывают все неудобства этой форме государства, между тем, как власть, если она только достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех ее формах» (Гоббс, 2018, С. 199 – 200).

Как уже упоминалось выше, централизованные национальные государства возникли в ряде стран Европы на рубеже XV – XVI вв. Это новое явление вызвало большой интерес у европейских мыслителей, и уже в начале XVI в. стали появляться сочинения с размышлениями о наилучшем устройстве и управлении государством. Высказывались различные, порой довольно далекие друг от друга мнения. Так, например, с интервалом в три года появились сочинения Н. Макиавелли «Государь» (1513) и Т. Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516), вызвавшие у современников большой интерес.

Сочинение Макиавелли сейчас вспоминают обычно как образец цинизма в рекомендациях о государственном управлении: «Пусть государь победит и сохранит государство: средства будут всегда сочтены достойными и всякий станет их хвалить» (Макиавелли, 2014, с. 70). Но в нем были интересные и актуальные мысли, в том числе об экономике: «...следует внушить гражданам, что они могут спокойно предаваться своим занятиям, как то: торговле, земледелию и прочим предприятиям, дабы сельский житель мог украшать свое имение, не опасаясь, что оно будет отнято, а купец перевозить товары, не страшась налогов. Желающих поступать так и всех, кто собирается приумножать владения и богатства государства, правитель должен вознаграждать» (Макиавелли, 2014, с. 89). Макиавелли выступал за частную собственность и считал, что «желание приобретать – вещь вполне обычная и естественная» (Макиавелли, 2014, с. 17).

Альтернативная точка зрения была высказана в «Утопии» Мора. На якобы существующем у берегов недавно открытой Америке острове Утопия (хотя это название буквально переводится с греческого как «несуществующее место») люди живут в условиях общей собственности на предметы потребления и средства производства, у них коллективная работа, выборные представители власти и т. д. Интересно, что при таких условиях, как отмечает Шумпетер, должен быть «общий план производства и распределения товаров» (Шумпетер, 2001, с. 267). Однако «товаров», т. е. купли-продажи предметов собственности, на острове Утопия нет. Мор пишет, что «где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел» (Мор, 2019, с. 52–53). Здесь речь идет о соотношении частных и государственных (общественных) интересов. «В других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами» (Мор, 2019, с. 147–148). Кроме того, именно в условиях общественной собственности может свободно, по мнению Мора, проявиться природа человека: «Добродетель они (утопийцы. – Е.К., М.П., И.Ч.) определяют как жизнь, согласную с законами природы... Нет добродетели, более присущей человеку... чтобы один служил на благо и утешение другому» (Мор, 2019, с. 94).

Таким образом, уже в сочинениях начала XVI в. был определен ряд ключевых проблем, связанных с государственным управлением и имеющих своей целью рост общественного благосостояния и баланс отдельных элементов общественного организма или, как тогда

говорили, «политического тела». Важными факторами, которые, по мнению мыслителей XVI – XVIII вв., нужно учитывать правителям, являются соотношение частного и общественного интереса и мотивация действий индивидов, на которую, в частности, воздействует форма собственности.

В истории исследований этой проблематики можно проследить три линии. Одна из них представлена в «Утопии» Т. Мора. Согласно ей, приоритет общественного интереса и рост общественного благосостояния обеспечиваются природной склонностью человека к альтруизму и общественной собственностью. Однако эти мысли были не новы. В частности, Мор опирался на «коммунистические» идеи Платона (в первую очередь его модель идеального государства) и ранних христианских богословов («град божий» блаженного Августина). Правда, в идеальном государстве Платона общая собственность предполагалась только у высших, управляющих классов – философов и воинов. Платон предостерегал: «...чуть только заведется у них собственная земля, дома, деньги... из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками... будут они все время жить в большем страхе перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремится к своей скорейшей гибели» (Платон, 2019, с. 143). Августин же делал упор на эгоизм современных ему людей. «Две любви, – писал он, – создали два общества: любовь к себе, доходящая до забвения бога, создала земное общество, любовь к богу до забвения себя создала общество небесное» (Тарле, 2019, с. 115).

В XVII в. развитие естественных наук привело к появлению обобщающих теорий мироздания на основе законов механики. Окружающий мир представлялся гигантским механизмом с причинно-следственными связями, двигателем которого считался закон всемирного тяготения. Задачей ученого становилось познание с помощью разума законов природы («естественных законов»). Появилось понятие «рационалистическая философия» (ratio – разум). На этой основе были созданы обобщающие философские теории (Р. Декарт (1644) во Франции и Д. Локк (1690) в Англии). Человеческое общество также стали рассматривать как некий механизм, двигателем которого является природный импульс, направляющий человека на определенные действия общественного характера. Философия разделилась на «натуральную», изучающую окружающую природу (натуру, естество), и «нравственную», изучающую природу человека и общества.

Но по поводу природы человека (его «естественных» действий) мнения разделились. Так, голландский философ Г. Гроций (де Гроот) выдвинул идею о том, что главный «естественный» закон, определяющий деятельность человека – стремление к самосохранению, но поскольку человек слаб, люди стремятся к объединению в общество, к кооперации. Последователем Гроция был немецкий философ С. Пуфендорф. Напротив, англичанин Т. Гоббс утверждал, что главной движущей силой человека является эгоизм, желание личного обогащения. В результате отношения между людьми трактовались Гоббсом как «война всех против всех», и только государство, по его мнению, удерживает эгоизм людей в рамках закона. В XVIII в. эти обе линии – об альтруистической или эгоистической природе человека – продолжались. Англичане У. Годвин и Д. Пристли утверждали, что благосостояние человека зависит от благодарных откликов других людей, которым он сделал добро. Их соотечественники – А. Шефтсбери и Ф. Хатчесон – также утверждали, что человеку от природы свойственен альтруизм. В то же время француз К. Гельвеций продолжал линию Гоббса с его идеей о врожденном человеческом эгоизме, ограниченном государством (Гельвеций даже срав-

нивал роль эгоизма в обществе с действием закона всемирного тяготения в окружающей природе). С ним были солидарны итальянец И. Беккариа и англичанин Б. МанDEVиль.

И наконец, была третья трактовка природы человека – утверждение о ее двойственности. Еще средневековые схоласты, в частности, Ф. Аквинский, считали, что природа человека двойственна – в ней есть праведная и греховная составляющие. Связано это было, по их мнению, с тем, что, с одной стороны, человек создан по образу и подобию Божьему, но, с другой стороны, на всех потомках Адама лежит печать первородного греха. И это надо учитывать при оценке действий человека в обществе.

В философии XVIII в., на которую опирались учения камералистов об экономике, в том числе сочинение Дженовези, двойственность человеческой природы трактовалась уже по-другому. Как и в первых двух направлениях все объяснялось природой человека. Хронологически здесь следует начать с английского философа и экономиста Д. Юма, который в 1738 – 1740-м гг. опубликовал «Трактат о человеческой природе». С одной стороны, он называл добродетелью то, что приносит чувство удовольствия, которое трансформировалось у него в понятие «полезность». Полезное приносит удовольствие долговременно. Таким образом, все люди стремятся к увеличению для себя полезности. Но, с другой стороны, Юм считал, что людям присуще чувство «симпатии» к другим людям, желание доставить им радость, которое перерастает в чувство коллективизма. «...Одобрение, – писал Юм, – имеет в таких случаях другой источник, чем перспектива пользы или выгоды» (Смит, 2008, с. 161). На чувстве симпатии строятся, по мнению Юма, семья и государство. Сначала возникает симпатия между мужчиной и женщиной, затем она распространяется на детей. А государство – это большая семья (государь – отец «большого семейства» – общества и т. д.).

Другом и отчасти учеником Юма был А. Смит, который преподавал в университете Глазго нравственную философию и опубликовал книгу «Теория нравственных чувств» (1759), в которой выдвинул тезис о том, что в обществе существует баланс личного интереса и чувства симпатии. Но личный интерес в трактовке Смита не приводит к «войне всех против всех», так как он ограничивается чувством симпатии к другим людям и государствам, выступающим от лица общества. «Оно не может допустить того, что переходит за пределы благородного соперничества» (Ронкалья, 2018, с. 158). В 1776 г. Смит выпустил свою знаменитую книгу «Богатство народов...», где вывел понятие «экономического человека», человека-эгоиста. Существует версия о том, что Смит в своей второй книге отказался от положений первой. Но в действительности это сделали последователи Смита, оставив в классической политэкономии только один мотив поведения человека – максимизацию выгоды. Сам же Смит неоднократно переиздавал «Теорию нравственных чувств» после выхода «Богатства народов...», не внося в нее никаких изменений.

О необходимости баланса в общественных отношениях писал итальянский философ и экономист Ф. Галиани в своем трактате «О деньгах» (1750): «Ничто в политике нельзя доводить до крайности. Существует точка, граница, в пределах которой добро превышает зло; если вы перейдете ее, зло будет преобладать над добром... Государственному деятелю требуется время, чтобы ее найти» (Ронкалья, 2018, с. 142).

Дженовези также исходил из двойственной природы человека («Каждый человек любит естественным образом себя больше и прежде, чем остальных, но в основании его души живет сострадание, которое побуждает его помогать тому, кто находится в нужде» (Джено-

вези, 2016, с. 12)). И, не соглашаясь с идеей Гоббса о «войне всех против всех», писал, «что обязательство уважать права других... настолько естественно и неотделимо от самой природы человека, насколько неотделимыми от нее являются сами эти права. ...Отсюда проистекает, что принцип права всех на все, провозглашенный Томасом Гоббсом, является естественным противоречием» (Дженовези, 2016, с. 17).

Важнейшей и обобщающей целью государственного управления, по мнению Дженовези, является поддержание равновесия в «политическом теле». Речь идет не об экономическом равновесии неоклассиков, т. е. равновесии спроса и предложения. Равновесие, согласно Дженовези, нужно создавать, прежде всего, между двумя сторонами человеческой природы – альтруизмом и эгоизмом. «Из всех людей, которые населяют государство, политика должна создать как можно более сплоченное и крепкое тело. Так вот, это тело создается посредством законов, направленных на сохранение равновесия во взаимодействии между двумя исконными силами, которыми движимо человеческое сердце: силой расточающей (*diffusiva*), силой концентрирующей (*concentriva*)» (Дженовези, 2016, с. XVII–XVIII). По мнению Дженовези, и «сила расточающая» (альтруизм), и «сила концентрирующая» (эгоизм) заложены в природе человека – от них нельзя избавиться, в том числе и силой государства. Следовательно, их нужно уравновесить, иначе возникнут общественные потрясения. К сожалению, последующие общественные науки не восприняли эту мысль Дженовези. Философы и экономисты, чьи теории легли в основу идеологии капитализма, утверждали, что в природе человека заложен только эгоизм, что в основе прогресса человечества лежит стремление к личному обогащению. Социалисты, напротив, сделали ставку только на альтруизм, стремясь вытравить из человека эгоизм как «родимое пятно капитализма». Может быть, следует вернуться к идее Дженовези об использовании в развитии экономики как конкуренции, так и кооперации.

Возникновение государства Дженовези трактовал с позиций теории общественного договора, сформировавшейся в XVII в., начиная со взглядов Г. Гроция. «Эта власть есть право, которое возникает благодаря уступке небольшой части собственных прав со стороны каждого человека и каждой семьи в пользу общего блага» (Дженовези, 2016, с. 26). Функции государственного управления, по мнению камералистов, должны были охватывать все стороны жизни общества, причем экономика стоит здесь далеко не на первом месте. «Духовное развитие народа, его воспитание, образование, а также развитие словесности, наук и искусства, укрепление торговли и экономики, судопроизводство и установление законов, распространяющихся на всех членов политического тела, военная мощь государства в период мира и войны, меры, принимаемые для обеспечения всеобщего спокойствия и безопасности, – все это входит в обязанности правителя», – писал Дженовези (Дженовези, 2016, с. 31). Одновременно он подчеркивал, что все эти стороны общественной жизни взаимосвязаны и влияют друг на друга и что это необходимо учитывать при управлении обществом. «Поэтому философу, жаждущему глубоко познать человеческую природу и устройство политических тел, надлежит не только рассматривать их основу; он также обязан учитывать сложную сеть отношений, изменений, влияний... обычаев, нравов; а затем подвергнуть все это точному расчету» (Дженовези, 2016, с. 14).

Что касается управления собственно экономикой, то для Дженовези, как и для других камералистов, и здесь характерен комплексный междисциплинарный подход. Под словом «экономика» тогда понималось частное хозяйство («ойкономикос» в переводе с греческого

означает домострой). Камералисты же вводят понятие «общественная экономика» («гражданская экономика» у Дженовези, «политическая экономия» у Монкретьена). Учение о «гражданской экономике» действует у Дженовези в связке с юриспруденцией и этикой. Государственные деятели, по его мнению, «должны знать не только науку о том, что справедливо, а что нет, то есть юриспруденцию, но и экономику, чтобы сохранить наследие общности... чтобы иметь возможность увеличить его там, где это возможно; а это почти везде возможно посредством поощрения земледелия, животноводства, мануфактурного производства, торговли и трудолюбия граждан» (Дженовези, 2016, с. 6). Кроме того, государственные деятели должны насаждать «этические принципы, которые касаются справедливости и честности сделок, и в особенности цен на вещи и труд, ростовщичества, валютных обменов, лажей и проч.» (Дженовези, 2016, с. 6).

Идея двойственности, о которой говорилось выше, распространяется Дженовези не только на природу человека, но на все явления общественной жизни, и поэтому задачей политики, в том числе экономической, является, по его мнению, достижение баланса: «...необходимо взвесить все “за” и “против” и выяснить, что перевешивает» (Дженовези, 2016, с. 284), а затем сбалансировать их.

Рассмотрим такой подход на примере анализа торговой деятельности в книге Дженовези. С одной стороны, торговля «пагубным образом сказывается на нравах. 1. Потому что она порождает больше хитрости, чем допускает сосуществование в социуме. 2. Потому что она питает жажду накопительства, мощнейший источник неравенства» (Дженовези, 2016, с. 283). Но «если она распространяет пороки, она также распространяет и добродетели» (Дженовези, 2016, с. 285). «...Торговля есть духовный двигатель таланта, мастерства и ремесел, это главный генератор всех сил, производящих богатства и величие политического тела» (Дженовези, 2016, с. 242). Еще одно проявление двойственности наблюдается во внешней торговле. С одной стороны, значение «торговли заключается в том, что она ведет нации к мирному существованию... торговля связывает нации взаимными интересами, которые могут быть соблюдены лишь в условиях мира» (Дженовези, 2016, с. 285). Но в то же время международная конкуренция нередко кончается торговыми войнами. И наконец, торговая политика, по мнению Дженовези, тоже должна быть двойственна. В ней «должны быть соблюдены два важнейших условия: защита (*protezione*) и свобода – но свобода в пределах закона» (Дженовези, 2016, с. 256). «...Не следует толковать свободную торговлю как дозволение негосударственным и ремесленникам торговать и работать без каких-либо ограничений... Ибо торговля, являясь частью общественного порядка и политического тела, должна подчиняться общим законам и при этом служить расширению и укреплению гражданского общества» (Дженовези, 2016, с. 261).

Одной из наиболее важных проблем, поставленных камералистами, была проблема единства и противоположности интересов личности, общества и государства в лице короля в едином общественном организме и создания баланса этих интересов с помощью государственной политики. Еще за сто лет до Дженовези англичанин Т. Ман отмечал, что надо различать «пользу трех видов: во-первых, пользу государства (общества. – Е.К., М.П., И.Ч.), которая существует даже тогда, когда купец... теряет. Во-вторых, прибыль самого купца, которую он иногда справедливо и заслуженно получает, хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство, и купец теряют» (Меркантилизм, 1935, с. 166.). А его современник и соотечественник С. Фортрей де-

лал вывод о том, что в этой комбинации главными являются интересы общества. «...Частные интересы, – писал он, – часто являются помехой общественной пользе... Отсюда и проистекает тот неуспех, который обычно сопровождает все попытки, осуществляемые в интересах общественного блага... понятно, насколько необходимо, чтобы общественное благо находилось в руках единой силы, интерес которой заключается только в благе всех» (Меркантилизм, 1935, с. 188). В то же время Фортрей указывал, что между интересами личности и интересами общества существует взаимосвязь: «а тот ущерб, который могут получить рабочие или некоторые купцы, полностью компенсируется чистой пользой, которую имеет государство, членами которого они являются так же, как и остальные» (Меркантилизм, 1935, с. 202). Дженовези тоже рассматривал соотношения этих трех интересов, причем он добавлял сюда проблему соотношения интересов частного хозяйства, провинции и государства в целом. Правда, он больше делал упор не на их противоречия, а на их единство. Неслучайно Й. Шумпетер сводил учения камералистов к проблеме общественного благосостояния.

Подводя итоги, следует сказать, что книга Антонио Дженовези является не только интересной, но и актуальной. В ней находится много идей, которые утратила или почти утратила современная экономическая наука. Здесь можно назвать, прежде всего рассмотрение экономики во взаимосвязи со всеми общественными отношениями, для чего необходимы комплексный и междисциплинарный подход, а также нахождение баланса интересов различных экономических субъектов и т. д.

На наш взгляд издательский проект, извлекающий из прошлого элементы будущей экономической науки, является очень плодотворным.

Список литературы

- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2018.
- Дженовези А. Лекции о торговле, или О гражданской экономике. М. СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Макиавелли Н. Государь. СПб.: АЗБУКА, 2014.
- Мальцев А. История экономических учений, quo vadis? // Вопросы экономики. 2015. №3.
- Меркантилизм. Л.: ОГИЗ, 1935.
- Мор Т. Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия. М.: Эксмо, 2019.
- Платон. Государство. М.: Эксмо, 2019.
- Ронкалья А. Богатство идей. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
- Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2008.
- Тарле Е.В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. М.: URSS, 2010.
- Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001.

Reviews and readers' feedback

**NEW ECONOMIC THINKING IS BUT A WELL-FORGOTTEN OLD ONE
(Review of the book by A. Genovesi «Lectures on the Civil Economy»)**

Elena N. Kalmychkova

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Michail G. Pokidchenko

*Doctor of Economics, Professor,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Irina G. Chaplygina

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Abstract

The review examines A. Genovesi's book «Lectures on Civil Economy» as an example of the concept of cameralism against the backdrop of the socio-economic thought of the transition period from feudalism to capitalism.

Keywords: history, economics, politics, public administration.

JEL: B11, B31, B41.

For citation: Kalmychkova, E. N., Pokidchenko, M. G., Chaplygina, I. G. New Economic Thinking is but a Well-forgotten Old One (Review of the book by A. Genovesi «Lectures on the Civil Economy»). Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 14, no. 4, pp. 71-84. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-71-84.

References

Blaug M. Ekonomicheskaya mysl' v retrospective [Economic thought in retrospect]. M.: De-
lo LTD, 1994 (In Russian).

Gobbs T. Leviatan [Leviathan]. M.: Ripol klassik, 2018 (In Russian).

Dzenovezi A. Lektsii o trgovle, ili O grazhdanskoy ekonomike [Lectures on trade, or on
the civil economy]. M. SPb.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016 (In Russian).

Makiavelli N. Gosudar' [Sovereign]. SPb.: AZBUKA, 2014 (In Russian).

Mal'tsev A. Istoriya ekonomicheskikh ucheniy, quo vadis? [History of economic doctrines,
quo vadis?] Voprosy ekonomiki [Issues of Economics], 2015, № 3, pp. 126-150 (In Russian).

Merkantilizm [Mercantilism]. L.: OGIZ, 1935 (In Russian).

Mor T. Zolotaya knizhechka, stol' zhe poleznaya, skol' i zabavnaya o nailuchshem ustroystve gosudarstva i o novom ostrove Utopiya [A golden little book, as useful as it is funny about the best structure of the state and about the new island of Utopia]. M.: Eksmo, 2019 (In Russian).

Platon. Gosudarstvo [State]. M.: Eksmo, 2019 (In Russian).

Ronkal'ya A. Bogatstvo idey [The wealth of ideas]. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018 (In Russian).

Smit R. Istoriya gumanitarnykh nauk [History of the Humanities]. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2008 (In Russian).

Tarle E.V. Obshchestvennye vozzreniya Tomasa Mora v svyazi s ekonomicheskim sostoyaniem Anglii ego vremeni [Public views of Thomas More in connection with the economic state of England of his time]. M.: URSS, 2010 (In Russian).

Shumpeter Y.A. Istoriya ekonomicheskogo analiza [History of economic analysis]. T. 1, SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001 (In Russian).